

Оглавление

Часть I. Аталейн

Пролог.....	7
I. Решение.....	13
II. Под стенами.....	27
III. Знакомство с городом.....	54
IV. Встречи.....	83
V. «Благородное» общество.....	99
VI. Демонстрация знаний.....	113
VII. Храмовый район.....	121
VIII. Жизненный урок.....	134
IX. Неловкое положение.....	154
X. В Чертогах.....	165
XI. Шевалье напрашивается.....	179
XII. Аудиенция у лорда.....	199
XIII. Пересечение путей.....	222
XIV. Приближение опасности.....	245

Часть II. Цзиньшу

I. Сделка.....	275
II. Ночь побега.....	289
III. Город дыма.....	308
IV. Раскол.....	329
V. Страшная правда.....	348
VI. Воспоминания.....	362
VII. Ночь и магия.....	384
VIII. Разные взгляды.....	409
IX. Сила лаэта.....	430
X. Где раскинулась паутина.....	452
XI. Опасность для шевалье.....	475
XII. Друг становится врагом.....	505
XIII. Паутина сгорает.....	529
Эпилог.....	540

ЧАСТЬ I

АТАЛЕЙН

Пролог

Сумерки плавно опускались на оживленные улицы города и сложную сеть узких переулков густыми тенями. На горизонте догорало солнце, и его алый свет заливал пыльное небо остывающей за стенами города пустыни. Последние бледно-золотые лучи цеплялись за крышу дворца, стоявшего на самой вершине Аталейна. К нему, как и к большинству домов, вела мощеная дорога, вдоль которой тянулись ухоженные зеленые деревья.

Самый настырный лучик сумел добраться до дома, скрытого в теневой части города, и прошел сквозь высокое витражное окно. Возможно, он намеревался исследовать просторный кабинет, полный предметов разной ценности и древних книг, но угас, коснувшись черных как тьма волос мужчины, сидевшего в широком и мягком кресле.

Мужчина — хозяин кабинета и дома на холме — с последним отблеском дня протянул изящную бледную руку, явно не знавшую тяжелого труда, и дернул за серебряную цепочку настольной лампы. Сложный магический механизм, дар от одного из заезжих в Аталейн торговцев с востока, пришел в действие. Лампа загорелась, по стенам и потолку заплясали мистические чудовища, порожденные вечным спором света и тьмы.

— Как все прошло?

Голос был низким и мягким, в нем слышались властные нотки, но от его звуков на сердце не становилось тяжелее. Наоборот, ему хотелось всецело довериться.

— Сделал все, как вы приказали, лаэт.

Будь у последнего закатного луча чуть больше времени, он бы успел заметить не только хозяина, но и его гостя. В молчаливом ожидании приказа тот стоял за креслом, но, стоило лаэту обратиться к нему, сделал несколько шагов вперед, выходя из тени. Глаза, серые, как раннее утро, и черные, как глубокая ночь, встретились всего на мгновение,

прежде чем гость опустился на одно колено, почтительно склонив голову.

Лаэт с трудом удержался от того, чтобы поморщиться. Он считал, что в их отношениях коленопреклонение неуместно, но мальчишка, от рождения в равной степени наделенный исключительной сообразительностью и омерзительным характером, был упрям, как деревенский осел. Сколько бы раз лаэт ни просил его избавиться от скверной привычки, Отис либо «утрачивал» способность понимать человеческую речь, либо бунтовал. Все прочие приказы он исполнял безукоризненно и на людях умел держать себя в руках.

Гадая, как искоренить этот изъян, лаэт ненадолго отвлекся, затем, слабо качнув головой, заставил себя сосредоточиться и вернуться к более важным вещам, оставив вопрос на потом.

— Один из предателей сбежал, — продолжал отчет Отис. — Я послал за ним людей, отобранных мной и заслуживающих доверия, — дальше порта не уйдет. Уже с рассветом он будет в вашем распоряжении.

Лаэт кивнул, глубоко вдыхая. Запах старых книг, высохших чернил и бумаги смешался со стойким смрадом крови, насквозь пропитавшим одежды Отиса, его волосы и, казалось, даже кожу.

Некоторые поговаривали, что зловоние это пленительно и мужчина, учуяв его, ощущает несравнимую близость со своим естеством, пробуждает в себе невиданную энергию. Как-то лаэт услышал подобный разговор между стражниками у городских ворот — и не смог согласиться с ними. В этом вопросе, как и во многих других, он был менее романтичен, чем большинство мужчин, и вещи предпочитал называть своими именами, а не приписывать им мистическую сущность по поводу и без. На его взгляд, свежая кровь отдавала железом, а свернувшаяся под палящим солнцем смердела гнилью.

ГИБНУЩИЙ МИР

Прямо сейчас сладковато-соленый запах разливался по душной комнате, но лаэт не испытывал отвращения к тому, кто принес его на себе. Напротив, в глубине души он чувствовал вину перед этим ребенком за то, что ему пришлось пережить ради него и его замыслов. И еще придется.

— Как и всегда, безупречно. — Он опустил руку, почти коснувшись пальцами коротких жестких волос, но так и не решившись на отеческий жест. Ровно так же, как Отису не пристало падать перед ним на колени, лаэту не пристало гладить его по голове, словно сына.

Отис, краем глаза отметивший неловкое движение, едва заметно вздрогнул и поджал тонкие губы. Он постарался отодвинуться, предположив, что его нынешний облик неприятен лаэту, сидевшему в безупречно чистом домашнем одеянии. Человеку, безусловно знакомому с убийством, но уже давно не маравшему свои руки. Посреди обстановки благородного дома теневой убийца и правда выглядел как грязное пятно, но лаэт никогда на это не указывал. Тем не менее Отис понимал, что пропасть между ними непреодолима.

Не подозревая о мыслях сидевшего перед ним помощника, лаэт устало прикрыл глаза и принялся размышлять вслух:

— Глава гильдии подкинул нам лишних забот. Боюсь, придется положиться на помощь извне. Он настырный, поэтому надо быть осторожным — он всюду сует свой нос. Я более не могу доверять тем, кто был рожден в этих стенах. Все же придется искать помощника у ворот?.. — Он тихо усмехнулся самому себе, но решение уже было принято. — Что ж, пожалуй, теперь это и правда единственный возможный выход.

— Помощника? — переспросил Отис, распрямляя плечи. — Разве есть у вас надобность в помощнике, лаэт Фэнрис?

— Не беспокойся. — Фэнрис махнул рукой, будто говорил о пустяке. — Ничего серьезного. Мне всего лишь нужен тот, кто способен на посредственное чтение и кое-что понимает в цифрах. Вероятность найти кого-то надежного и не связанного ни с благородными, ни с их цепными псами из городских управленцев не так уж высока, но, как я и сказал, это наша последняя надежда. Может, Светило одарит нас способным ребенком, усердия которого окажется достаточно, чтобы обучиться простой грамоте и счету? Это избавило бы тебя от лишней работы, а меня — от необходимости переживать.

— Вы имеете в виду, что я не справляюсь со своими ежедневными обязанностями? — В интонации Отиса читалась ирония и в чуть большей степени — обида.

Фэнрис и правда был к нему чрезмерно строг. Упрекать того, кто практически лишен сна и отдыха из-за своей верности, не слишком подобающее поведение для доброго лаэта. Но у него не было времени жалеть Отиса. Все, что он мог предложить ему, — найти помощника.

— Я виноват, лаэт. Я был недостаточно усерден и внимателен. Впредь я вас не разочарую.

— Отис, — голос Фэнриса звучал мягко, но не располагал к дальнейшим спорам, — ты неверно истолковал мои слова. Противостояние между лордом и Аязом может затянуться, а я не намерен рисковать. Что, по-твоему, произойдет, если ты, утомленный дневным счетом, оступишься во время более важного поручения?

Отис тихо хмыкнул. Как будто это возможно! Он ни за что не допустит ошибки, которая доставит проблем лаэту, даже если это будет стоить ему жизни.

Фэнрис проигнорировал насмешку, но это не значило, что он ее не заметил.

— Ты нужен мне, как никогда прежде. Именно поэтому мой долг — найти тебе помощника, Отис. Того, кто смог бы заняться счетными книгами, избавляя тебя от этой утомительной обязанности хотя бы частично. Если говорить от-

ГИБНУЩИЙ МИР

кровенно, человек не может разорваться на две части при всех своих талантах. А твои таланты выдающиеся, и я, как в некоторой степени торговец, не могу тратить их попусту на «дневную работу», с которой способен справиться и мало-мальски образованный юнец.

Не меняясь в лице, Отис снова почтительно склонил голову и покорно отозвался:

— Все, что пожелает лаэт. Но... простите мою несдержанность... В Нижнем городе каждый, кто умеет считать до двадцати, уже заключил договор и работает на Верхний. Вы не отыщете даже ребенка, которого бы не наняли благородные, если он хоть сколько-нибудь полезен. Я все еще считаю, что вы подвергаете себя неоправданному риску.

Отис ненадолго замялся, будто не решался сказать что-то еще. Не то чтобы Фэнрису требовалось мнение помощника в этом вопросе, но ему все же стало любопытно, о чем тот думал.

— Говори.

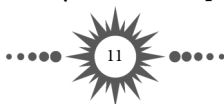
Отис кивнул, хмуро сдвигая брови и вновь поднимая взгляд, чтобы высказать свои мысли в лицо:

— Неоправданные риски, лаэт Фэнрис. Вы не склонны к ним. И все же... для чего вам новый счетовод? Вы собираетесь найти его у ворот, чтобы тот выявил наиболее очевидные несовпадения в цифрах, а потом?

Белое, словно мрамор, лицо озарила теплая, почти нежная улыбка.

— Ты всегда был проницателен, именно это в тебе и очаровывает меня больше всего. Ты прав, я собираюсь проверить, насколько серьезный и видимый след оставляет за собой Аяз. Наивные дети, чье сердце еще не успело стгнить, подобно забытому на пировальном блюде яблоку, всегда хотят отплатить добром за добро и стараются гораздо прилежнее других.

Отис внимательно слушал, и Фэнрис продолжил:

КАРИНА КРЫЛОВА, АЛЕКСАНДР СИТНОВ

— Эти дети... В будущем они могут нам пригодиться. Стоит заранее побеспокоиться о том, как бы расположить их к себе. Если мы станем теми, кто даст им кров, пищу, надежду, они будут преданы нам, а это, Отис, дорогого стоит.

— Лорду это может не понравиться.

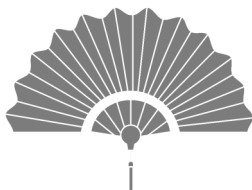
Фэнрис мягко улыбнулся.

— Да, не понравится. — Постучав костяшками тонких пальцев по красному дереву, он внимательно всмотрелся в уставшее лицо перед ним. — А теперь ступай. Смой с себя кровь и отдохни.

— Слушаюсь, лаэт.

Проводив взглядом удаляющуюся спину Отиса, Фэнрис вздохнул и утомленно прикрыл глаза. Время близилось к полуночи. Он представлял картины далекого будущего: полыхающий в огне междоусобных войн Аталейн, гибнущие из-за чужой алчности женщины и ни в чем не повинные дети. Руки сжались в кулаки. Все это было не более чем видением.

Фэнрис встал и подошел к высокому, во всю стену, окну. Отсюда открывался вид на Аталейн, который прямо сейчас утопал в непроглядной тьме, но это не помешало ему насладиться пейзажем.

I

РЕШЕНИЕ

В некоторых книгах о Лифертусе, составленных путешественниками, часто попадаются упоминания о диких народах и поселениях, расположенных на скалах среди пустыни. Их описывают довольно расплывчато: варвары, не понимающие и не принимающие культуру Сердца Мира, но без стеснения пользующиеся его защитой и благами. Несмотря на все прошедшие годы, правители не смогли найти к ним подход, и пустынники так и остались для всех чужеземцами. Детали давно минувших событий нигде не указаны, но ходят слухи, что среди горного народа есть и те, кто жаждет покинуть свои земли и попасть в центр мира. Встреченные мной на перекрестных дорогах грязные люди в потрепанной одежде, полной заплаток, — прямое тому доказательство.

Хранитель

Острые скалы разрезали пустыню, как колющее море, и песчаная пыль, покрывавшая их, сверкала в бледных лучах выглядывающего сквозь облака солнца. Надвигалась ночь. Погода снова переменилась, заставив небольшой пограничный отряд свернуть стоянку раньше времени. Никто не хотел рисковать и застрять в пустыне, застигнутый песчаной бурей.

Айрин, расположившись на валуне, тихо перебирала не так давно собранные травы. Эта вылазка оказалась наименее приятной за последнее время: постоянный надзор не доставлял ни малейшего удовольствия, а сидеть подолгу без движения было до смерти неудобно.

Вытянув перед собой уставшие ноги, она старалась как можно быстрее разогнать кровь и неуклюже вертела ими из стороны в сторону. Взгляд то и дело возвращался к собравшимся вблизи людям. Лагерь уже трогался, и Айрин

стоило поторопиться. Может, кого-нибудь другого и подождали, но на свой счет она не питала иллюзий. Скорее, ее бы с удовольствием «забыли».

Дозорные, отправленные вместе с ней собирать травы, предпочитали передвигаться под покровом ночи. Такой переход скрывал много опасностей, но каждый житель Великих Желтых равнин считал, что лучше повстречаться с маграшем, чем сгореть на беспощадном солнце заживо.

Рядом с их небольшой деревней по-настоящему страшные твари не водились, а справиться с шакалами, пустынными волками и бурыми змеями не так уж и сложно. Сложнее было бороться с тем, что не поддавалось контролю. Солнце забирало гораздо больше жизней, чем постоянные болезни, на него не действовали ни лечебные травы, ни талисманы или защитные амулеты, ни грубая сила.

Налетел сильный порыв холодного ветра, взметая песок вверх. Айрин вскочила с места, плотнее запахнула походный серый плащ и поспешила собрать все в сумку, чтобы нагнать удаляющихся людей.

Отряд передвигался бесшумно и быстро, но все равно достиг ворот деревни лишь глубокой ночью. Мальгату плотным кольцом обступал каменистый полумесяц скал, скрывающий ее от врагов и непогоды. Он одновременно служил и ориентиром, и защитой.

— Наконец-то дома, — сказал один из воинов с нетерпением в голосе.

Он все время поглядывал на Айрин, но за весь день она не услышала от него ни слова. Выражение его лица получалось считать с удивительной легкостью: страх и отвращение.

— Я пойду с докладом к старосте, а ве... — капитан запнулся, бросив на Айрин быстрый взгляд, — травница сразу пойдет передать все лекарю.

Ворота медленно поползли в сторону, открывая сигнальные факелы, тускло освещающие перепуганных людей. Они жались друг к другу, всматриваясь в лица при-

ГИБНУЩИЙ МИР

бывших. И только убедившись, что никто не пострадал, облегченно выдохнули. Воины поспешили к родным, оставив Айрин в одиночестве у ворот. Глянув мимо нее на тьму пустыни, командир озабоченно нахмурился и жестом велел войти. Ворота с гулким стуком захлопнулись у них за спиной.

— Иди. Чем раньше отнесешь травы, тем больше шансов у них выжить.

Айрин молча кивнула и, осторожно обойдя приглушенно переговаривающихся родных, направилась к окраине Мальгаты. Поднявшись по узкой крутой улочке, она вышла к самому центру и, петляя между близко поставленных однотипных домов, попала напрямик к таверне, где веселье не прекращалось, несмотря на опустившуюся ночь.

Прижимая к себе сумку, доверху набитую травами, Айрин не стала останавливаться, чтобы поглазеть на прибывших недавно бродячих артистов, хотя ей очень хотелось. Вместо этого она поспешила дальше, туда, где света было гораздо меньше. Постучав, она сделала два шага назад и стала ждать, но никто не открыл ей дверь.

Айрин забеспокоилась и обошла дом. С тех пор как сын учителя поселился в деревне, крики умирающих, запертых в одном месте, перестали доставлять проблемы. Она не смогла узнать, как у него это получилось, но староста утверждал, что Агрок обучался магии у своего отца. Но Айрин была уверена: он никакой магией не обладал, а значит, использовал что-то, в чем эта магия была.

Она на пробу толкнула дверь, и та без усилий поддавалась. Крики и стоны больных вырвались наружу. Айрин пришлось глубоко вдохнуть, крепче стиснув сумку, прежде чем решиться зайти.

В помещении было хорошо натоплено, в очаге и жаровнях, расставленных по всему периметру, все еще тлели угли, при свете которых хорошо просматривалась комната. Лежанки тянулись в несколько рядов. Некоторые из них

опустели, и те, кто еще утром на них спал, отправились в путешествие по мрачной дороге, ведущей к Гу'халору.

Слева, в самом конце, находился неприметный арочный вход в пристройку, где временно и разместился Агрог. Стараясь передвигаться как можно медленнее и тише, Айрин двинулась к ней через вереницу из стонавших во сне мужчин. Что-то в пустующих лежанках насторожило ее, но она никак не могла понять, что именно.

Ступив за дверь, Айрин оказалась в помещении с аккуратно расставленными склянками, наполненными разного цвета жидкостями. С потолка свисали пучки целебных трав, а над огнем кто-то соорудил очаг, куда повесил котел с кипящим снадобьем. В неярком мерцании свечей Айрин увидела фигуру в белом, склонившуюся над свитком, в которой сразу же узнала Агрога. Вокруг него на крошечном столе, занимая практически все свободное пространство, в беспорядке лежали стопки книг.

— Пришла? — наконец сказал тот. — Удалось что-то найти?

Откинув с глаз светлые пряди, он посмотрел на нее усталым взглядом: бессонные ночи оставляли свой след даже на таком молодом и полном сил человеке. Его лицо с тонкими чертами было испачкано чернилами, а одежда, раньше выглядевшая идеально, как будто износилась. Увидев сына учителя впервые, Айрин подумала, что на землю Мальгаты ступило божество, но сейчас он выглядел как местный житель.

— Да, мне удалось собрать нужное. Только белладонны было совсем немного.

Айрин протянула сумку, где лежали аккуратно рассортированные травы. Агрог, не теряя времени, расстелил на полу тряпицу, на которую тут же все разложил. Он придирчиво осматривал растения, то поднося их к глазам, то нюхая, пока Айрин беспокойно ерзала на месте. Когда-то давно ей случалось видеть подобное выражение лица, и она ощутила тоску, сама не зная, по чему имен-

ГИБНУЩИЙ МИР

но: по ушедшему учителю или по времени, проведенному с ним. Агрог был удивительно похож на своего отца, и это делало его более ценным в глазах Айрин, чем в глазах односельчан, надеявшихся, что он развеет болезнь, подкосившую молодых и здоровых мужчин.

— Молодец, с этим мы сможем работать. — Агрог погладил ее по макушке и поднялся.

Айрин опустила голову. Сердце сжалось от простого действия и наполнилось теплом, которое она уже успела забыть. Агрог ничего не заметил, полностью погрузившись в изучение пергамента и оставив ее саму разбираться с приготовлением трав для отвара.

Придвинувшись ближе к очагу и взяв стоявшую там же ступку, она принялась измельчать травы. Время за работой пролетело незаметно. К тому моменту как наступил рассвет, Айрин успела сварить первую партию отвара и протягивала чарку Агрогу. Он внимательно изучил его, попробовал и, удовлетворенно кивнув, скрылся за дверью в помещении с лежанками. Ей там делать было нечего: больные никогда не захотят увидеть ее первой при пробуждении. Расставив все, как было до ее вторжения, она тихонько выскользнула за дверь и побежала к дому, оставшемуся ей от учителя.

Внутри было очень тихо. За ночь угли в очаге погасли, но все еще излучали тепло. Подбросив корней и положив сверху горячий камень, Айрин наблюдала, как языки пламени танцевали, обволакивая хворост.

Сгрузив на рабочий стол сумку и потертую книгу, Айрин уперлась в него ладонями. Первый рассветный луч попал на склянки с лекарствами и проник сквозь них, вырисовывая на столешнице причудливый узор разных цветов. Неизвестно, что было виной ее подавленному состоянию: опустевшее за последние несколько недель жилище учителя, заканчивающийся запас трав, который она старалась поддерживать, или же взгляды, полные ненависти. Айрин чувствовала подступающее отчаяние. Вдруг не существо-

вало способа успокоить людей? Едва ли найдется средство, способное вернуть мертвых.

Она повертела в руках пустую склянку, глядя, как медленно поднимается солнце, осветившее стопку книг, не вызвавших интереса у Агрога. Каждая из этих легенд и сказок была прочитана Айрин множество раз. Не беря книги в руки, она могла сказать, о чем они. Но это были лишь легенды, не содержавшие в себе ничего познавательного. Наверное, будь этим событиям какое-то другое объяснение: болезнь в окрестных городах или деревнях, мор скота, отравленная вода — хоть что-то, за что можно ухватиться, Айрин могла бы верить вместе со всеми в чудесное исцеление. Но сейчас она чувствовала только вину.

Предложение Агрога стать его ученицей и отправить-ся с ним в город на воде уже не казалось неправильным. Оно было щедрым. Но раньше Айрин не обдумывала его всерьез, боясь, что Агрог помогает ей потому, что чтит память об отце. А она не хотела быть обузой. Однако чем больше времени они проводили вместе, тем яснее становилось: он не стал бы так поступать.

Сперва вежливо отказавшись, Айрин теперь жалела. Чем меньше в деревне оставалось здоровых мужчин, тем больше взглядов, наполненных ненавистью, ей приходилось ловить на себе. За годы жизни без учителя она привыкла к одиночеству, но не к ненависти. Ее всегда обходили стороной, но еще никогда так явно не проявляли свое отношение.

Айрин легла в постель, надеясь отдохнуть, и, похоже, ей удалось немного подремать, пока ее не разбудил запах свежей выпечки и посторонний шум.

— Просыпайся, пташка.

Недалеко от кровати, сгорбив спину, стоял староста, дедушка Тан. Он поворошил угли в почти потухшем очаге, развел огонь заново и повесил на крючок чайник. Затем подошел к кровати, где в груди из шкур виднелись лишь голубые глаза Айрин.

ГИБНУЩИЙ МИР

— Солнце уже давно в зените, и твой учитель скоро свалится от усталости, если ты его не заменишь, — сказал он, посмотрев с неодобрением.

Опираясь на трость одной рукой, староста едва не завалился на бок, но все же удержал равновесие, аккуратно усаживаясь. Он поглаживал свою длинную, до колен, бороду, похожую на водопад с очень редким потоком, и смотрел на Айрин льдисто-голубыми глазами из-под густых бровей.

— Не смотри на меня так. — Староста ближе подтолкнул к ней миску. — Ешь.

Айрин выпуталась из шкур и молча принялась жевать еще горячую кашу, в которую заботливо добавили масло. Она пытливо поглядывала на старосту, но тот продолжал молчать, давая ей возможность насладиться едой в тишине. Мысль, с которой она засыпала, вернулась, и Айрин быстро опустила глаза, чтобы дедушка Тан не заметил сомнений, поселившихся в ней.

— Есть ли улучшения у заболевших? — немного пожевав, спросила она.

— Есть, поэтому и пришел за тобой. Доедай, и пойдем, я отведу тебя.

— Дедушка, вы правда думаете, что мне следует туда пойти? — Она поджала губы.

— Агрог едва на ногах стоит. Есть какая-то особенная причина, по которой ты не хочешь ему помочь?

Староста встал и, опираясь на трость, подошел к очагу, чтобы снять нагретый чайник.

— Вы прекрасно знаете, что есть. Стоит мне там появиться, и все начнется по новой. — Айрин осторожно отставила в сторону миску и поднялась с постели, чтобы переодеться, пока дедушка заваривал чай. — Я не хочу, чтобы наставник пострадал.

— Хотел бы я посмотреть на того, кто сможет ему что-то сделать. Тем более он сын Гобенса. Знаешь ли ты, скольких детей этот старый проныра здесь спас? — Ста-